

ФОРМЫ КОММЕНТИРОВАНИЯ В ИЗДАНИЯХ КИРИЛЛИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ XVI–XVII ВВ.

Информация об авторе: Лидия Ивановна Сазонова, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

<https://orcid.org/0000-0001-7457-3926>

E-mail: lsazonova@mail.ru

Аннотация: В статье впервые изучаются исторические формы комментирования текста на материале кириллического книгопечатания Запада и Востока Европы XVI–XVII вв. Комментирование богословской, литургической, проповеднической, учебной литературы осуществляется в дополнительных к основному содержанию статьях, написанных в стихах и в прозе, соединявших в себе разнообразие жанровые формы (предисловия, послесловия, повесть, посвящения, оглавления, указатели, гербы, эмблемы, типографские марки) и стили (документальный, автобиографический, экзегетический, публицистический, литературно-критический); комментирующие элементы содержатся также в развернутых заглавиях книг на титульных листах и в выходных данных. В изданиях, напечатанных кириллицей, комментарии написаны на церковнославянском, румынском, словенском, хорватском языках, так называемой «просто мове», на греческом, немецком и латинском. Предисловия и послесловия к старопечатным изданиям создавались на пересечении средневековых традиций и зарождающихся новых веяний в культуре. От старой литературной манеры они восприняли учительную направленность, традиционную библейскую символику и метафорический стиль, устойчивые формулы выражения тематического единства автор — читатель — книга. К новациям относятся осознание книжниками XVI–XVII вв. своей высокой миссии, использование народных языков, внимание к современным филологическим проблемам языка и стиля. Дополнительные статьи в кириллических изданиях XVI–XVII вв. представляют собой пространство, в рамках которого осуществляется разного рода комментирование издаваемых сочинений — источниковедческое, текстологическое, лингвистическое и шире — комментирование историко-культурного типа.

Ключевые слова: Священное писание, богословская литература, кириллическое книгопечатание, старопечатная литература, комментарий, жанровые формы, язык, стиль.

© 2024. *Lidiia I. Sazonova*

FORMS OF COMMENTARY IN 16–17th CENTURY CYRILLIC PRINTING

Information about the author: Lidiia I. Sazonova, DSc in Philology, Director of Research, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

<https://orcid.org/0000-0001-7457-3926>

E-mail: lsazonova@mail.ru

Abstract: For the first time, this article examines the historical forms of commentary in Cyrillic book printing in Western and Eastern Europe during the 16th and 17th centuries. Commentary on theological, liturgical, homiletical, and educational books is carried out through articles supplementary to the main body, written in prose or verse and encompassing different genres (preambles, epilogues, novels, inscriptions, tables of contents, indexes, coats of arms, emblems, printer's marks) and styles (documentary, autobiography, exegetical, publicistic, literary critic). Commenting elements are also contained in detailed book titles on the front pages and in the imprint. In Cyrillic editions, commentaries are printed in Church Slavonic, Rumanian, Slovenian, Croatian, the so-called "common mova", Greek, German and Latin. In the first printed books, prefaces and afterwords were created in the borderland of medieval traditions and the development of new cultural influences. They took in its didactic tendency, Biblical symbolism and figurative style, set formulas of the thematic unity "author-reader-book" from the old literary tradition. There are innovations as well: 16th and 17th-century scholars are conscious of their mission, use vernaculars, and pay attention to contemporary problems about language and style. Supplementary articles in 16th and 17th century Cyrillic books offer a space to realize different forms of commentary (historiographic, textual, linguistic and, broader, historical, and cultural) on published works.

Keywords: The Holy Scripture, theological literature, Cyrillic book printing, first printed books, commentary, genre forms, language, style.

Ядро культуры Средневековья и эпохи барокко — Священное Писание. Оно определяет мировоззрение и оказывает мощное влияние на характер всей книжной словесности. В святоотеческой литературе мир истолковывался как творение Бога, явившего себя людям в Священном Писании («И сказал Бог» — «И стало так»), отсюда вытекает известный параллелизм природы и Библии как двух «книг» одного и того же Творца. Всеохватывающий взгляд читал мир как книгу, и словесность становится своего рода формой комментария к Библии.

Вокруг Священного Писания формируется широкий круг богословской литературы, сакральных и церковных текстов, обслуживающих литургическую практику, — *Служебники, Октоихи, Ирмологии, Триоды, Часословы, Минеи*. Широкое распространение получила Толковая Псалтирь, содержащая краткие богословские истолкования псалмов. Все эти книги в свою очередь также становятся предметом осмысления, как и другие церковно-учительные, религиозно-полемические произведения, а также азбуки, буквари, грамматики как необходимый учебный инструмент для овладения основами христианского вероучения, свидетельствующий о миссионерском типе книгопечатания на начальном этапе.

Комментирование богословской, литургической, проповеднической, учебной литературы осуществляется в статьях, дополнительных к основному содержанию книги, в стихах и в прозе, в разнообразных

жанровых формах: предисловия, послесловия, посвящения, оглавления, указатели, гербы, эмблемы, типографские марки и т.д. Комментирующие элементы содержатся подчас в развернутых заглавиях книг на титульных листах и в выходных данных.

Рассмотрим проблему комментирования на материале кириллического книгопечатания Запада и Востока Европы XVI–XVII вв. В этот период книги печатались кириллическим шрифтом в Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европе — на всем пространстве от Рима и Тюбингена до Москвы и Казани. В книгах, напечатанных кириллицей, отразились реальные историко-культурные процессы эпохи, происходившие в Европе в критический момент ее истории после Тридентского собора середины XVI в., когда с разделением христианства на конкурирующие конфессии в европейской культуре образовалось поле напряжения: наступление контрреформации обострило конфессиональную борьбу между католиками, протестантами, униатами, православными.

Рукописная традиция с ее ограниченными возможностями для размножения сочинений уже не могла удовлетворить назревшие потребности в книгах, с помощью которых можно было сделать идеи национально-религиозной борьбы достоянием более широкого круга читателей. Для этих целей необходимо было именно книгопечатание, обладавшее способностью «тиражирования», ибо, как говорил один из печатников рубежа XVI–XVII вв., ум «изображением книг множится» [Служебник, 1604, с. 1–2].

Наблюдается движение памятников, напечатанных кириллицей, из западных, латинских областей в места традиционного бытования кириллической книжности, а также в пространство, традиционно занятое латиницей и глаголицей. Центры кириллического книгопечатания, созданные в разных странах Европы, руководствовались в своей деятельности разными побудительными причинами, отражая национальное, политическое, историческое и культурно-религиозное самосознание их основателей.

Из столицы Венецианской республики, в составе которой находилась часть побережья балканской Адриатики, и из Рима началось продвижение к славянам католических книг на кириллице, подготовленных иезуитами и направленных против влияния протестантизма, на укрепление в вере и возвращение в лоно церкви отступивших, а также изданий, направленных против экспансии католицизма на земли, населенные православными, для помощи им в борьбе с протестантскими движениями.

Для православных южных славян, находившихся под турецким владычеством, книги печатались не только в Венецианской республике, но и собственно на территории Балкан — в Белграде, Милешево, Мркши-

ной Церкви, Скутари. Книги, вышедшие в свет на землях, входивших в Османскую империю, содержат упоминание турецкого султана Сулеймана Великолепного: «Тогда же восточным странам обладающему великому амирехъ Султанъ Сулеиману»; «Тогда же восточным странам обладающему великому цару Турскому амирехъ Султанъ Сулеиману» [Евангелие, 1552, л. 213; Евангелие, 1562, л. 211 об.], «Въ царств(о) же цара измаильтскаго велика амирѣ султан Сулеиманъ-бега» [Псалтирь..., 1557, л. 211 об.; Триодъ цветная, 1566, л. 217 об.].

В зону византийско-славянского культурного влияния входит также кириллическое книгопечатание в княжествах Трансильвании (в Сибиу, Орыштии, Белград [Алба Юлия] и наиболее деятельные Брашов и Себеш) и Валахии — территория современной Румынии (Тырговиште и типография при монастыре Иоанна Предтечи возле Бухареста) с их по преимуществу православным румынским (валашским) населением. Репертуар изданий, вышедших в Трансильвании и Валахии, находившихся в вассальной зависимости от турецкого султана, близок по своему составу к тому, что печаталось для православных славян на южнславянских Балканах: это главным образом книги, предназначенные для катехизации паствы и церковно-богослужебной практики.

Значительный стимул к развитию кириллическое книгопечатание получило на белорусских, украинских и литовских землях Речи Посполитой, пережившей в XVI в. золотой век Ренессанса, Реформацию, затронувшую частично и восточных славян, и мощную волну контрреформации, породившую экспансию католицизма на восточные окраины Речи Посполитой.

Реформационные движения коснулись в некоторой степени и кириллического книгопечатания на землях Великого княжества Литовского еще за несколько лет до образования Речи Посполитой (1569).

Круг произведений, подлежащих печатанию, пытались обозначить сами издатели: это Библия, церковно-культовые, религиозно-полемические книги, обслуживающие разные конфессии (протестантов, католиков, православных). К разряду «полезных» принадлежали церковно-учительные сочинения: они «веселят» сердца, приносят радость и воспитывают многие добродетели.

В изданиях, напечатанных кириллицей, комментарии написаны на церковнославянском, румынском, словенском, хорватском языках и так называемой «простой мове». В книгах, вышедших из протестантского издательства Примуса Трубера (Тюбинген), основоположника словенской литературы, есть параллельные тексты на хорватском и немецком, на немецком и латинском языках. В *Острожской Библии* — на греческом и церковнославянском. Сочинения эти принадлежат ав-

торам, как уже известным в истории литературы, так и тем, чьи имена впервые вводятся в науку или остаются безымянными.

* * *

Предисловие — устойчивая форма выражения разного рода отношений по поводу произведения или книги, оно сопутствует неизменно литературе, начиная с древности и до наших дней.

«Предисловие к читателю» — жанр в Средние века «столь же пространенный, как и литературная молитва» [Панченко, 1971, с. 31]. В эпоху господства теологического мировоззрения, когда основные сферы жизни обслуживала церковно-богослужебная литература, предисловия к произведениям охватывали явления, идущие непосредственно от реальной исторической и культурной ситуации — те, которые не могли войти в основной текст сочинения в силу его принадлежности к кругу церковного чтения и жанровой нормативности, и оформлялись в виде предисловия.

«Что есть предисловие? Предисловие есть начало глагола (речи — Л.С.) или слова, имже приводим и уготовляем сердца и разумы слышателей к послушанию гласа нашего» [Die Makarij-Rhetorik, 1980, s. 92–93]; в предисловии излагается «причина» или «вина» сочинения [Там же, с. 126] — такое определение жанра в рамках его функционирования в сфере красноречия содержит Риторика Псевдо-Макария, образцом для которой послужил (по осторожному предположению Т.В. Буланиной) адаптированный вариант латинской Риторики второй половины XVI в. Филиппа Меланхтона [Буланина, 1985, с. 16–19]. Сами авторы размышляли о том, что должно составлять предмет предисловия. Герасим Смотрицкий ссылался в предисловии к *Острожской Библии* на церковные книги иных конфессий, посвятившие свои предисловия теме величия и пользы божественного слова: «Видѣх много различно в писаниах иноя церкви и языка в сицевых предсловаих о зацности и пожитку слова Божия пишущих много» [Библия, 1581, л. 6 об.]¹.

Структурность содержания и формы придают предисловию устойчивые признаки. Для определения их обратим внимание прежде всего на заглавия, ибо названия играют значительную роль в передаче идейно-содержательной сущности текста. Для примера несколько заглавий: «Предсловіе к благовѣрному и православному всякаго чина, возраста же и сана читателеве», «Предсловіе. Всим правим добрим крстяном», «Оним кои ове книжице штати буду, предговор»,

¹ Далее цит. по этому изданию.

«До чителника», «К чтацу», «К читателеве», «Послание спудеом», «Слово к читателем», «Предословие к православному читателю», «Предословие к православному христианину» — с одной стороны, и с другой — «Предисловие в книгу сию, глаголемую Псалтирь», «Предисловие книги сея», «Поучение в книгу сию», «Предословие на книжку сию в ней же сказание кратко, о патриарху Геннадию». Легко выделяются два варианта заглавий: один учитывает адресованность предисловия к читателю, второй указывает на соотносительность предисловия с книгой. Предисловия преследуют определенные цели и задачи, имеют отдельные заглавия, иногда — характерные концовки, как, например, концовка-обращение к читателю «Здравствуйте, возлюбленнии!..» или — «Конец предисловия». Заглавия и концовки обозначают границы предисловия.

Налицо два компонента, которые имеет в виду предисловие, — читатель и книга. Третий участник действия — сам автор предисловия. Конечной целью предисловия имели установление контакта с читателем для формирования его представления о книге. Таким образом, структурная схема предисловия представляет триаду: автор — читатель — книга. Связь между компонентами не внешняя, не формальная, а внутренняя, содержательно-функциональная. Замкнутость отношений внутри названной триады придает композиционную целостность предисловиям.

О жанровом сознании, существовавшем в отношении предисловий, свидетельствует и то, что у авторов было сформировавшееся представление как об объеме предисловий, так и об их стиле. Предисловие как малая повествовательная форма требует, по словам Герасима Смотрицкого, «кратшихъ глаголь, множайша ж разума» [Там же, л. 7]. Во вступлении к *Острожской Библии* (1581) он замечает: «понеже предсловное сказание не обыче длъготы словес вѣмѣяти, сего ради елико мощно въкратцѣ предложися» [Там же, л. 5 нн. об.]. Предисловие к своему трактату «Ключ царства небесного» (1587) Герасим Смотрицкий назвал «До народов русских короткая а пилная (прилежная — Л.С.) предмова». Однако наряду с краткими, информативными текстами, известны пространные предисловия, принимающие форму развернутого богословского трактата, как, например, в изданиях Примуса Трубера.

И все же, имея признаки самостоятельного жанра, предисловие выполняет по отношению к самой книге вспомогательную, сопутствующую роль, это «врата» в книгу, как сказано в той же *Острожской Библии*: «Въ градъ крѣпокъ невозможно внити, развѣ враты, и въ дворъ овчии недостойтъ входить, токмо дверми. Тако и всякъ хотяи внити в сеи градъ... Божественнаго Писания подобаетъ входитьи искусно со тщанием... сквозѣ двери сего предсловнаго възвѣще-

ния...» [Там же, л. /// об.]. Следовательно, предисловие — это «врата» в книгу, своеобразная форма, имеющая функцию посредника между книгой и ее создателями и издателями — с одной стороны, и читателями — с другой.

В жанровом отношении между предисловием и послесловием трудно провести границу. Более того, известны примеры, когда один и тот же текст занимает в разных изданиях в одном случае место предисловия, в другом — послесловия². Послесловие строится по той же структурной схеме автор — читатель — книга; не имеет, как правило, заглавия, в одной из книг послесловие от лица печатника обозначено в колонтитуле «Конец книзе» [Миней общая, 1600, л. 438 об.–439 4-го счета]; от основного текста книги отделяется графическими элементами — инициалами, заставками. В деловом повествовательном стиле повторяются выходные данные титульного листа, излагаются обстоятельства печатания книги; трудившиеся возносят славу и благодарственные молитвы по случаю успешного завершения работы высшему источнику вдохновения — Всевышнему и Троице, с призывом принять подносимый труд и даровать благословение его создателям, просят читателей о снисходительном отношении к возможным погрешностям издания. Так, в львовском *Апостоле* (1574) пространное послесловие Ивана Федорова, озаглавленное «Сия убо повѣсть изъясляет, откуда начаса и како съвершися друкарня сия», структурно состоит из трех частей: первая содержит рассказ об устройстве типографий в Москве, Заблудове и Львове, плавно перетекающий в предуготовительную молитву печатника к работе над изданием *Апостола*, что обозначено на полях маргинальной пометой «Мол»; и, наконец, последняя часть, посвященная непосредственно данному изданию, включает в себя выходные сведения, просьбу о прощении ошибок, благодарственную память покойному Г.А. Ходкевичу и благопожелания его сыновьям. Молитва трудившихся выделена иногда в отдельный текст, замыкающий издание.

Триада автор — читатель — книга составляет общетипологическую схему всякого предисловия и послесловия вообще

В дополнительных разделах к изданиям можно наблюдать сосуществование прозаических и стихотворных форм. Иногда один автор, такой, например, как Герасим Смотрицкий, выступает одновременно и как силлабист, и как прозаик: ему принадлежат в *Острожской Библии*

² *Миней общая* (Москва, 19 августа 1600) — первое московское издание с предисловием, в предыдущем издании *Миней* (29 июня 1600) тот же текст выступает как послесловие.

два предисловия: одно в прозе, другое — в стихах, оба прославляют князя К.К. Острожского за устройство книгопечатного дела на Украине и содержат богословскую полемику. *Грамматика* (1596) Лаврентия Зизания открывается эмблемой с аллегорическим изображением Грамматики в образе женщины с ключом в левой руке. Девиз: «Прожно ты ся кусишь / письмо умѣти, / который не хочь мене розумѣти». Далее следует «Эпиграмма. На Грамматику», где названы четыре 4 составные части этой науки: орфография, просодия, синтаксис, этимология:

Ключем бо есть отворяючи всѣм ум,
К познанию въ преправыи разум.
По которой власне, як по всходѣ поидет
Каждыи, если хочет, всѣх наук доидет

[Лаврентий Зизаний, 1596, л. 1–2].

Заботясь об общедоступности и общепонятности издаваемого сочинения, о том, чтобы труд стал действенным и принес пользу, издатели предпосылают книгам не только предисловия, но и специальный аппарат: оглавления, указатели, к тексту делаются примечания в виде маргиналий. В «Беседах Иоанна Златоуста на 14 посланий ап. Павла», кроме двух предисловий, есть также «Краткое оглавление», «Счисленный нравочений».

Справочному аппарату придается большое значение, он, по мысли издателей, поможет читателям овладеть богатством содержания: «Оглавление суть аки очеса книзѣ, ими же удоб есть видѣти сущее и въспоминанию достойное»; «каталог же, сирѣч реестр о изряднѣйших и нужднѣйших вещей и сказаниих» издатели советуют использовать «аки руководство» [Иоанн Златоуст, 1623, л. 6 нн]. Напечатанный в Остроге *Новый Завет с Псалтирью* (1580) сопровождается изданием алфавитно-предметного указателя в виде отдельной книги: «Книжка, собрание вещей нужнѣйших вкратцѣ скорого ради обрѣтения в Книзе Новаго Завѣта по словесем азбуки» (1580). Предметные указатели, «каталоги», разного рода «перечни» и разъяснения, как всем этим пользоваться, сопутствуют восточнославянским изданиям.

Сведения комментаторского типа могут содержаться на титульном листе, как, например, в львовской «Грамматике еллинословенскаго языка» (1591). Эта книга, представляющая первую из «семи свободных наук», дополнена самым ранним на славянском языке трактатом «О восьми частях слова» (ок. XIV в.)³. Свой литературно-лингви-

³ См.: [Ягич, 1896].

стический труд составители направляют, как сказано на титульном листе, «ко наказанию многоименитому Российскому роду» [Грамматика, 1591, л. 2].

Комментирующие подробности могут содержать также выходные данные как, например, в *Новом Завете с Псалтирью* и в *Острожской Библии*, где от лица Ивана Федорова, сказано, что книга напечатана им, «сыном з Москвы».

Источником информации являются и типографские марки — своего рода «авторский» знак печатника, признак индивидуализированного, личного творчества, например, типографская марка того же Ивана Федорова, включающая указание: «Иоаннъ Федоровичъ, друкарь москвитинъ» [Апостол, 1574, л. 264 об.]; «Иоанн Феодорович, печатник з Москвы» [Новый Завет..., 1580, л. 1 об.]. Русский первопечатник следовал европейской традиции, из восточнославянских деятелей кириллического книгопечатания до него свою типографскую марку имел Франциск Скорина. Издания *Псалтири с воследованием* (1569) и *Требника* (1570) отмечены типографским знаком Иеролима Загуровича: профиль африканца (мавра) в картуше с подписью под изображением, удостоверяющей, что книгу издал «господинъ Иеролимиъ Загуровикъ. И положи свои белег⁴».

Разные типы дополнительных статей существуют в виде комплексов, циклов. Ощущением разнородности качества повествовательного материала вызывалась потребность в его расчленении по тематическим группам и затем к нанизыванию, объединению разного типа предисловий. Циклизация дополнительных статей оказывалась возможной и благодаря открытости их формы: отдельные сведения легко могли быть добавлены или исключены.

Устойчивым является комплекс, состоящий из предисловия и посвящения. В *Евангелии учительном* (1569), напечатанном в Заблудове, имени князя Г.А. Ходкевича, гетмана Великого княжества Литовского, имеются предисловие под названием «Книга, зовомая Евангелие учительное», герб Г.А. Ходкевича, Предисловие от его лица («Предисловие книги сия»), а также предисловие от лица печатников («Хотящи же прочитати и преписовати сию книгу...»), Оглавление («Сказание извъстно главам яже суть в книзѣ сей»). Объединяются и предисловие более общего характера с более частным. Не редкость комплекс из трех и более вступительных статей. В *Острожской Библии* их три, а если за предисловие принять пре-

⁴ «Белег» в сербохорватском и словенском языках означает: знак, метка, гербовая марка. Нет оснований видеть в изображении портрет Иеролима Загуровича (ср.: [Gliubich, 1974, p. 314]).

дведомление о предисловии, то — четыре. «Апокрисис» располагает циклом из шести вступительных статей: одна из них — посвящение Яну Замойскому, другая — предисловие ко всему сочинению, остальные четыре — к каждому из четырех разделов книги. На обороте титульного листа — стихотворение «Книга до минающих мовит», построенное на приеме персонификации неодушевленного предмета: книга обращается к читателям, прося о внимании тех, кто, не замечая ее, проходит мимо: «Почто новыхъ вещей вѣдѣти желаете, / нову вещь мене имѣя, презираете...». Книга призывает: «Купи, читай, разсуждай, брате и тщателю, / повинни ли повѣждь, се къ благодателю» [Христофор Филалет, 1597, л. 1 об.]⁵. Прием персонификации (*prosopopoeia*), описанный в риториках XVI в., широко представленный в эмблематике, в иезуитском школьном театре, вошел в моду и стал приметой нового литературного стиля. Первая из семи свободных наук — Грамматика — сама представляет себя читателю во вступительных стихах к московскому изданию «Грамматики» (1648) Мелетия Смотрицкого.

В дополнительных статьях обсуждается широкий круг вопросов: мотивировка издания, его инициаторы и меценаты, история реализации замысла, значение книги, ее адресат, содержание и состав, название, язык, цели и задачи.

Из предисловия к знаменитому *Четвероевангелию* (1552), первой напечатанной в Белграде книге, узнаем, что типографский набор («слова на типарех») был изготовлен на средства князя Радиша Дмитровича. Однако князю не суждено было дожить до выхода издания в свет. Как сказано во вступлении, написанном от лица Радиша Дмитровича: «...внезаапу прииде грѣдии часъ смърты и възеть дух мой и по смърти моеи оставихъ сие форми въ дому моемъ». Дело продолжил Троян Гундулич из Дубровника: «...азъ Троянь Гундуликъ от великаго града Дубровника по прѣставлении кнеза Радише понуждєнь быхъ въеже принести... въ домъ мои форми сие» [Евангелие, 1552, л. 211 об.–212].

Назначение своего пространного предисловия в издании «Артикулы христианской веры» (Тюбинген, 1562), представляющем собой перевод (на хорватский язык со словенского) лютеранского исповедания веры⁶, издатели видят в том, чтобы рассказать о содержании книги, о

⁵ Опубликовано: [Перетц, 1900, т. 1, ч. 4, с. 78]; [Die älteste..., 1976, s. 31, XV]; [Українська поезія..., 1978, с. 150].

⁶ «Аугсбургское вероисповедание» составлено в 1530 г. под руководством Филиппа Меланхтона.

том, чему она учит, о чем говорит: «...ове книжице, што ва себѣ уздрже... што уче, од кога, када, заки узрок, есу створене и писане хощем потле поведати. И да намь е ва овомь Предесловю... ове наше... праве вере и од тога нашего Евангелскога наука обилно говорити и правити» [Артикулы..., 1562, л. 4 об.], чтобы всякий разумный добрый христианин мог понять, какова наша вера. Обращаясь к балканским славянам, «в Далмации, в Хрватих, Сербие, Босне, Сримске⁷ земле и ва всих иних оваго языка странах или земляхъ» [Артикулы..., 1562, л. 1], Антоний Далматин и Степан Истрианин, подчеркнули в предисловии, что своей переводческой и типографской деятельностью хотели служить не «русом, или русианом, ни полаком, ни чехомь, ни мошковиштемь» или каким-либо другим народам, но именно «вам, Хрватом, Далматином, Истрианом, Бошнаком, Србланом, Булгаром». Поэтому на современный им родной, общий, по их мнению, язык они перевели тексты из мисалов, богослужебных книг, псалтирей и брeвиариев, которые не могли быть поняты жителями Балкан на иных, не известных им языках: «нике Латинскога, неке Грчкога, нѣке Июдискога, нике Рускога, нике Мошковицкога, Чешкога и Полскога и многих незнанихъ языков» [Меланхтон, 1562, л. 18–8 об.]. На Балканах соседствовали славяне разных конфессий, включая мусульманство, они не только граничили друг с другом, но и, пересекаясь, жили в тесном контакте, как, например, в районах современной Боснии.

По замыслу протестантского проповедника Примуса Трубера, данный им перевод *Нового Завета* (на «Хрвацки езикъ» «из Латинскога, Влашкога, Нимшкога, и Краискога⁸»), адресованный и католикам, и православным, — или, по словам переводчиков Антона Далматина и Степана Истрианина, «<...> всимь Словенского языка людемь», прежде всего — «Хрватомь и Далматином, потомь такаише Бошнакомь, Безьякомь⁹, Србьлом и Боулгаромь», — должен был послужить укреплению славян в христианской вере и спасению их от опасности исламизации — от «турской махOMETской невери» [Новый Завет, 1563, л. 11 об.–12, 6 об.].

Издатели сообщают в дополнительных статьях о мотивировке своей деятельности. Серб Божидар Вукович, родом из

⁷ Срем — историческая область между нижним течением реки Саввы и Дунаем.

⁸ Имеется в виду словенский язык, который называется в книгах, изданных Примусом Трубером, «Скранским», «Краинским».

⁹ Возможно, слово «Безьякомь» — непроизвольное дублирование на венецианском диалекте того же самого названия «Бошнакомь», обозначающего население Боснии.

македонских пределов («отечеством от Диоклетие еже есть в пределах Макидонских») организовал типографию, по его собственному признанию, в условиях вынужденной эмиграции: когда, убежав из Подгорицы (Черногория) и, оказавшись «въ велицѣй тузѣ и печали въ Итальяскихъ странахъ, въ градѣ нарицаеме Внетиянѣ», не смог вернуться «в отечество свое» и, видя «род христианский», попираемый «от измаилтян», занялся «со всей сердечной любовью» делом, о котором мечтал с юности [Октоих, 1560, л. 1–1 об., 160 об.]. Теми же мотивами руководствовался в своей деятельности и его сын Вицентий Вукович, ссылавшийся на недостаток («оскудение») «божественных книг», уничтоженных и расхищенных «измаильтѣни». В типографии Вуковичей печатался традиционный для ареала *Slavia Orthodoxa* репертуар богослужебных книг на церковнославянском языке «на просвещение всем православным христианам». В первую очередь они предназначались издателями своим соплеменникам, находившимся в пределах Османской империи, — сербам и болгарам.

В Брашове (Валахия) книжному делу покровительствовал в 1568–1578 гг. воевода Иоанн Александру, заметивший «умаление и оскудѣние святыя книги» [Триодъ постная, 1578, л. 291 об.]. Из пространного предисловия к *Евангелию учительному* (1581) на румынском языке следует, что издание инициировал и финансировал жупан и брашовский судья Лукач Хръжиль, предпринявший долгие поиски текста-образца. Он нашел его в Тырговиште у митрополита Серафима. По совету ардельского митрополита Геннадия (Трансильвания), в митрополии которого священники многих приходов нуждались в этой книге, а также по воле митрополита Серафима Лукач Хръжиль поручил перевести *Евангелие* на румынский язык дьякону Кореси, «ученому мастеру в таких делах», что тот и исполнил вместе с попами Иоанном и Михаем. О причастности Лукача Хръжиля к изданию *Евангелия* должно было свидетельствовать изображение его герба, которым открывается издание. Оригиналом для перевода послужила, как сказано в том же предисловии, «сербская книга» [Коляда, 1959, с. 86]. Работа над одним из последних брашовских изданий — *Служебником* (1587) — была начата при воеводе Иоанне Михне и завершилась при ардельском воеводе Жигмонде Батори (князь Трансильвании, 1588–1602).

Единственное издание, вышедшее из типографии в Тырговиште, — *Триодъ цветная* (1558), предпринято по воле воеводы Иона Петрашку, после кончины которого поддержку изданию оказал воевода Радул, руководствуясь «повелением» своего отца «господара Иоанна Мирча во-

еводы в сее земли Угровлахийской» [Триодъ цветная, 1558, л. 364 об.]. Также оставшееся единственной дошедшей до нашего времени книгой, напечатанной в Белграде [Алба Юлия], — *Евангелие* (1570) издано «повелением великого воеводы» Криштофа Батори, будущего князя Трансильвании (1576–1581) и брата польского короля Стефана Батория. Примечательная деталь: Криштоф Батори наложил ограничения на повторное издание книги в течение 30 лет: «И съ властью великаго воевода Батьрь Крищовъ за 30 лѣтъ да не смѣть на типарь» [Евангелие, 1579, л. 2-го сч.].

Книгопечатание как дорогостоящее предприятие нуждалось в меценатской помощи. Если деятельность протестантов поощрял князь Николай Радзивилл (Рыжий), то православные обрели не менее влиятельного мецената-магната в лице князя Г.А. Ходкевича, гетмана Великого княжества Литовского. В его родовом имении Заблудове нашли пристанище мастера печатных дел Иван Федоров и Петр Мстиславец, не добровольно покинувшие Московское царство. Благодаря щедрой поддержке магната («властным накладом его милости») они получили возможность продолжить занятия книжным делом, а Г.А. Ходкевич обрел в их лице профессиональных исполнителей для воплощения своего замысла, о чем свидетельствует написанное от его имени предисловие к *Евангелию учительному* (1569), — первой книге, вышедшей из его типографии в Заблудове: «Сего ради азъ Григорей Александрович Ходкевича видѣхъ таковое християнское научение в сеи книзе, восхотѣхъ еже бы слово Божие розмножилося и научение людем закону греческаго ширилося, занеже оскудѣ сихъ книгъ на много различныхъ мѣстех и не пощадѣхъ от богодарованных ми сокровищъ на сие дѣло дати. Ктому же изобретохъ собѣ в томъ дѣле друкарскомъ людеи наученых Ивана Феодоровича Москвитина да Петра Тимофѣевича Мстиславца, повелѣлъ есми имъ учинивши варстать друкарьскии и выдруковати сию книгу Евангелие учительное...» [Евангелие учительное, 1569, л. ////–//// об.].

Виленские состоятельные купцы Лука и Кузьма Мамоничи напечатали первую *Грамматику славянскаго языка* (1586), рукопись для издания которой была «выдана» по просьбе православной общины Вильны из «газофилакии» (казнохранилища) князя Константина Острожского «для наученья и вырозумѣнья Божественнаго Писания» и «выдрукована в мѣсте Виленьскомъ» [Псевдо-Дамаскин, 1586, л. 14 об.].

В кириллических изданиях, вышедших в XVI — начале XVII вв. в России, возобладала тенденция к размещению дополнительной информации о книге после ее основного текста. Послесловия в них

имеют черты государственно-идеологической программы. С «равноапостольным» князем Владимиром Святым, крестителем Руси, в послесловии к *Триоди цветной* (1591) сравнивается царь Федор Иванович, направляющий церковные книги в присоединенные его отцом окраинные земли для приведения их к вере, в три бывших ханства (царства) — Казанское, Астраханское и Сибирское, которые ассоциировались в XVII в. с тремя царскими коронами в Государственном гербе России. В послесловии к *Минее общей* (1600), вышедшей «повелением» царя Бориса Годунова, князь Владимир вспоминается как христианский просветитель, будто бы получивший эту церковную книгу из рук самого «Кирила философа, учителя словяном и болгаромъ» [Миней общая, 1600, л. 580 об.], что должно было придать изданию особую авторитетность.

Авторами предисловий и послесловий были лица, принимавшие непосредственное участие в книгоиздательской деятельности, — основатели типографий (издательств), инициаторы изданий, меценаты, переводчики, печатники, справщики (корректоры), а также авторы, чьи сочинения издавались. Среди них — писатели-ученые, поэты, публицисты, прекрасно владевшие литературной и филологической культурой своего времени.

Их собственная характеристика своего труда унаследовала идущую от Средневековья этикетность, основывающуюся на христианском смирении как добродетели. Издатели и авторы предисловий дают уничижительные самооценки. «Грешным» называет себя Иван Федоров [Апостол, 1574, л. 263]. Образованный книжник, редактор, писатель, поэт Герасим Смотрицкий сетует в предисловии к *Острожской Библии*, что составил его «умалениемъ си смысла, ибо училища николиже видѣхъ» [Библия, 1581, л. 7]. Но смирение, которое испытывает издатель и / или автор предисловия перед книгами «вечного смысла», приходит в столкновение с самоутверждением, возникающим по отношению к задаче их публикации. И этикетные черты вытесняются откровенными авторскими признаниями, выражениями личного чувства, рассказами о себе и своем ремесле. Наивысшего расцвета элементы автобиографизма достигают в пространном послесловии Ивана Федорова к львовскому к *Апостолу* (1574) «Сия убо повесть изъявляет откуду начася и како съвершися друкарня сия». Это первое появившееся в печати автобиографическое произведение русской литературы, одно из ярких проявлений индивидуального авторского самосознания книжника XVI в., представлявшего свою личную миссию как просветительскую: «духовные сѣмена по вселеннѣй разсѣвати» подобно евангельскому сеятелю (Мф 13:3).

Прорывающиеся сквозь риторику автобиографические признания в предисловиях и послесловиях являются ценным источником сведений о деятелях первого столетия кириллического книгопечатания, поскольку другие данные о них очень скупы, одновременно элементы автобиографизма — свидетельство возросшего интереса издателей и других лиц, причастных к книгопечатанию, к личности и своей судьбе.

Издатели указывают причины, побуждавшие их к печатанию. Книги издаются «не от лукавста, ни от тщеславия... но от любви христианския повинности» [Василий Суражский, 1588], «целой Библии» не было на «нашемъ Словѣнскимъ или Хрватскомъ языку» [Новый Завет, 1563, л. 10 об.], о грамматике — «прежде в Росийском родѣ мало сих обрѣсти» [Грамматика..., 1591, л. 2]; преобладающая мотивировка: «скудости ради», «за оскудением», «за недостатком экземпляров», «по частократному жаданю православнороссийских сынов». Подобными заявлениями пестрят все предисловия и послесловия, эти замечания со всей очевидностью свидетельствуют о стремлении книжников учесть как конкретные запросы своих читателей, так и удовлетворить широкие литературные потребности общества.

Дополнительные статьи к изданиям выполняли функции филологические и литературные, историко-культурные и проповеднические. Примером филологической интерпретации могут быть предисловия, составленные Тарасией Земкою, — с обилием и классификацией филологических сведений, подчинением их строгой композиции¹⁰. В таком виде они представляют собой обширные учено-литературные, дидактические комментарии.

Предисловие может принимать разные формы в зависимости от содержания книги. Предисловия и послесловия к грамматикам и букварям приближаются к филологическим статьям; предисловия, написанные к полемическим сочинениям, также полемически заострены; форму богословского трактата имеют предисловия, составленные к церковно-богослужбным книгам и сочинениям с изложением основ вероучения.

Связь предисловия с книгой может быть не только смысловая, но и по форме: в полном соответствии с формой торжественного славословия выдержана похвала церкви, напечатанная в качестве предисловия к *Минее праздничной* (Киев, 1643) — книге, предназначенной для чте-

¹⁰ См., например: [Андрей Кесарийский, 1625, л. 4 нн. об.–6 нн. об.; Триодь цветная, 1631, л. 6 нн.–10 нн.].

ния в церкви. Такое предисловие учитывает зависимость внутритекстовых и внетекстовых структур.

Дополнительные статьи исполнены уверенно: издание содержит «пречудная и душеполезная нравоучения», книга — «душеполезная вещь», она «велце потребная», «велце пожитечная». В один голос издатели заявляют о том, что их печатная продукция направлена «на ползу ближних», «с велию ползою представляются» книги, они «подаются ку читаню и пожитку душевному», выпускаются «в ползу и употребление человеком», «на твой душевный пожиток», «в общую ползу прочитателем».

Имеются признания самих книжников в том, что информация, окружающая основной текст книги, необходима для убеждения читателей в важности содержания печатных сочинений. Захария Копыстенский составлял предисловия, чтобы напомнить читателям, «кольми нуждна нам есть сия книга» [Иоанн Златоуст, 1623, л. 4 нн. об.]. Предисловия служили формой для декларации идеи пользы книг и их высокого назначения. Они давали возможность засверкать «многоценному сокровищу» разными смысловыми гранями.

Осознание пользы книг, как уверяют издатели, было побудительным мотивом их деятельности: «...ваше ради любве и душевныя ползы нѣкогда предумыслихом», — говорят они об *Острожской Библии* [Библия, 1581, л. // об.]. В идее пользы книг, общетипологической для дополнительных статей, слышатся отзвуки средневекового представления о сакральном значении священного текста. Авторы предисловий исповедовали, как ранее и средневековые писатели, евангельскую мысль о Слове как атрибуте Бога, которое в силу этого обладает возможностями огромного воздействия. «Острѣишее меча обоюду остра слово», — провозглашает предисловие к *Острожской Библии* [Там же, тит. л. об., 6 об.]. Следуя старой традиции, восточнославянские издатели готовы приписать книгам божественное происхождение. Герасим Смотрицкий не раз настаивает в предисловии к *Острожской Библии* на том, что эта книга — «не вещь человеческая», но «съвыше сходящее дарование духовное» [Там же, л. // об.]. Эта давняя и общая как для рукописной, так и для старопечатной литературы идея приобретала в обстановке идейных столкновений и конфессиональной борьбы дополнительный смысл, а роль книг оказывалась особенно значительной. Идея пользы книг становится важным фактором распространенности предисловий и послесловий.

Похвалы книгам — почти обязательный их компонент, дополнительные статьи принимали краткую форму, но иногда предисло-

вие или послесловие целиком превращалось в похвалу. Расточая в изобилии похвалы идейному содержанию издаваемых сочинений, издатели использовали выработанные традицией приемы, оценочные определения, сравнения, метафоры: книга — «многоценный», «многочестный бисер», «дар», «сокровище», которое дороже «паче злата, и камня многоцѣннаго», потому что это «сокровище всякой добродетели»; книга — «не вещь человеческая», но «съвыше сходящее дарование духовное». Тема пользы книг и их высокого назначения располагает набором ключевых слов-символов, ведущих свое происхождение из Библии. Писание и книга — «хлеб», «мед», «сладость», «свет», «светильник», таковы наиболее постоянные и распространенные метафоры в похвалах к книгам. Унаследованное из предшествующей литературной традиции уверение многих печатных предисловий, что сочинение, представляемое читателю, — «сладчайше паче меда и сота», находит себе соответствие в Псалтири: «суды Господни — истина... они вожделеннее золота и даже золота чистого, слаще меда и капель сота» (Пс 18:10–11), а также в Притчах Соломона: «сладкая речь прибавит к учению» (Притч 16:21).

Частые высказывания о том, что книга — «пища духовная», «пища словесная», «хлеб душевный», представляют собой перифраз из Пятой книги Моисея: «Не о едином хлебе жив будет человек, но о всяком глаголе, исходящем из уст Божиих» (Втор 8:3); они могут иметь источником и строки из Послания апостола Павла к коринфянам о «хлебе повседневном». Предисловия дают некоторые любопытные примеры трансформации традиционной образности. Возникнув на основе библейского высказывания, метафора «книга — душевный хлеб» порождает целый метафорический ряд: издатель именуется «глагоутолителем» [Василий Великий, 1594, л. 3 нн. об.], типография — «литеральной житницей» [Триодь постная, 1627, л. 2 нн.], а чтение — как утоление жажды и душевного голода [Василий Великий, 1594, л. 3 нн. об.].

Похвале книг служила также традиционная и излюбленная книжниками метафора: «книга — «врачебница», «аптека», располагающая исцелительными лекарствами «на хоробы душ людских», книга — «врач премудрый» [Псалтирь, 1640, л. 9 нн. об.], избавляющий от «всякого недуга душевного и телесного» [Дорофей, 1628, с. 452; Евангелие учительное, 1606, л. 2 об.; Номоканон, 1646, л. 6 нн.–6 нн. об.]. Являясь общим местом предисловий и послесловий, топоним «недугом душевным врачество» — восходит к латинской литературе раннего христианства, к сочинениям Аврелия Августина.

Особенно чтимая и популярная *Псалтирь*, по которой учились грамоте, гадали, провожали в последний путь, была удостоена самых восторженных похвал: «Псалтырь подобна суть великому морю. От моря бо не оскудевает вода николиже, ни умаляется изливаниемъ рѣкъ и источникъ. Тако и от Псалтыри не оскудеваетъ пѣние никогдаже». Когда Иоанна Златоуста спросили: «Добро ли есть оставити Псалтырь?! — он ответил: «Уне есть солнцу престати от течения своего нежели оставити Псалтырь» [Псалтирь..., 1570, л. 13 об., 15 об.]; «Сия книга цѣломудрию наставникъ и тѣлеснимъ, и душевнимъ страстемъ. Псалом бо и от каменнаго сердца слъзу изымлетъ... по Бозѣ печаль съдѣваетъ, душам же веселие даруетъ» [Псалтирь..., 1561, л. 123 об.–124]. Печатник Андроник Тимофеев Невежа, работая над изданием Псалтири (1577), именует книгу «прехвалныя и громогласныя десятиструнныя гусли», сообщая попутно читателю, что эта «избранная от святых книг Ветхаго Завета глаголемая Псалтырь» есть сочинение «блаженнаго Давида пророка и царя» [Псалтирь, 1577, л. 275–275 2 сч.]. В пышном метафорическом стиле прославляется Минея праздничная: это «книга песногласий духовных, орган мусикийск, цевница гуслей, бряцало десятиструнное» [Минея праздничная, 1638, л. 2 нн.]. Метафорично не только название теологической хрестоматии из отцов церкви, составленной Кириллом Транквиллионом, — *Зерцало богословия* (Чернигов, 1618), но и характеристика ее состава — «скарбница премудрости, рай вечной роскоши» [Кирилл Транквиллион, 1618, л. 1 нн.–3 нн.].

Тарасия Земка возлагал на предисловия функцию прославления книг, считая, что похвалы, выраженные в предисловиях, способствуют привлечению внимания читателей к издаваемым сочинениям и лучшему их восприятию: «...Како же приложитя усрѣдно к чтению божественных словес, не видя сия похваляемы. И сего ради... книги наказателныя и учителныя к вѣрѣ же и добродѣтелем издаются: сего ради в предсловиях похваляются» и к усрѣдному прочтанию с велик» ползую представляются» [Андрей Кесарийский, 1625, л. 4 нн. об.]. Тарасия Земка, по-видимому, очень тяготел к этой мысли, потому что повторил ее еще раз в другом предисловии: книги «похваление прежде от имене своего и дѣйства имѣти обыче» [Служебник, 1629, л. 5 нн.].

Дополнительные статьи в изданиях, выступая как своеобразный посредник между читателем и книгой, имели своей конечной целью установление контакта с читателем для формирования его представления о книге. Они подготавливали восприятие произведений.

Посредничество между читателем и книгой осуществлялось прежде всего через интерпретацию издаваемого сочинения. Одна из задач

предисловия в *Острожской Библии* заключалась в том, чтобы предостеречь от еретических толкований текста, что особенно важно во время, когда «разгорѣся велик пламень злехитрых и многоглавных ересей» [Библия, 1581, л. 5 нн. об.].

Авторы дополнительных статей представляют читателю книгу, объясняя ее предмет и назначение; они видят в книге богатый источник для толкования и назидания, что опять-таки отражается в заглавиях: в Октоихе название предисловия перед его текстом — «Сказание учительное...» и в колонтитуле — «Поучение в книгу сию» [Октоих, 1639, л. 1 нн.].

Издатели заботятся о наставительной интерпретации, говоря, что книга «имат же наказателная учения» [Триодъ постная, 1627, л. 1 нн.] и предназначена «людям в научение... и во исправление» [Номоканон, 1624, л. 2 нн. об.]. В предисловиях слышится учительный голос автора, озабоченного тем, чтобы внушить благочестивые чувства, предписания и нормы поведения. Захария Копыстенский задавался вопросом о моральном значении «Бесед Иоанна Златоуста»: «Кую же силу и кий разум имат сия... книга?» и в назидательном духе высоко оценивал идейное содержание «Бесед» — в деле нравственного совершенствования человека смысл книги «въистинну велий и зѣло нуждный» [Иоанн Златоуст, 1624, с. 11]. Из кратких житий *Минеи праздничной* извлекается мораль и преподносится читателям в предисловии в виде напутствия-обещания: каждый, кто станет подражать жизни подвижников, вознесется к добродетели, «яко же железо от магнета потязаетмо» [Анфологион, 1619, с. 8].

Заботясь о целенаправленном восприятии содержания, составители предисловий дают определение предмета книги и ее назначения. Предисловие к львовской грамматике осведомляет читателей о частях, содержащихся в ней: об орфографии, просодии, этимологии и синтаксисе, и наставляет овладеть ими для того, чтобы подготовить себя к более широкому образованию, восприятию других наук — грамматика, первая из семи наук, «ключъ отверзаяя умъ разумѣти писания» [Грамматика..., 1591, л. 2 нн.].

Интерпретации книг свойственны дидактичность и декларативность: Составители дополнительных статей не всегда считали для себя обязательным обстоятельно и аргументированно раскрывать идейный смысл текста, ограничиваясь лишь утверждениями: «здѣ же существеннаа истинна» [Василий Великий, 1594, л. 6 нн.]. Книги предназначены «в научение» и «во исправление» людям, издатели стремятся помочь читателям увидеть ту практическую пользу, которую они могли бы почерпнуть из них.

Особое внимание уделяется толкованию названия, вопросам происхождения текста, его авторства, осмыслению содержания, состава, композиции, критике источников, использованных при издании, и проблемам славянского языка. Предисловия сообщали читателям сведения об авторах песнопений *Триоди* и *Октоиха*, нравочений «Маргарита» и «Толкования на Апокалипсис» и тем самым вводили в кругозор читателей византийское литературное наследие. Не всегда понятные читателю греческие названия книг давались в переводе на славянский язык: «Катихисис слово есть греческаго языка, сказуется же ся на словенскую рѣчь оглашение, или гласом учение»; «Книга зовемая греческимъ языком Катихисис, а по словеньски Оглашение» [Катехизис, 1562, л. 1 2-го сч., 251 об. 3-го сч.]; *Евангелие* — Четвероблаговестие, *Октоих* — Осмогласник, *Литургия* — Служебник, *Триодь* — Трипѣсньцы, *Минея* — *Соборник* и т.д. Объяснение заглавия сопровождается часто раскрытием состава книги: «Триоды, или явленнѣише рещи Трипѣсньцы, иже носеть в себе Ветхаго и Новаго Завѣта различна учения, творение небу и земли, прѣвому человѣку създание и тому от рая изгнание и крайнее Спаса Христа к намъ съхождение...» [Триодь постная, 1561, л. 252 2-го сч.]. Предисловие к *Острожской Библии* поясняет: читателю предлагаются Книги обоего Завѣтов, глаголемыя греческим языком Вивлиа» [Библия, 1581, л. // об.]. Славянские эквиваленты даются обычно к заглавиям грамматических пособий, например: «Книжка по греческии Альфа, вита. А по рускии Азь, буки» [Азбука, 1578, л. 1]; «Сия книжка по гречески Альфавита, а по рускии Азьбуки» [Букварь, 1578, л. 1]¹¹.

Задачи идеологической борьбы обусловили внимание к филологическим проблемам языка и книжной справы, обсуждение которых выносятся в изданиях в предисловия и послесловия. Издание книг на церковнославянском языке служило удобным поводом для рассуждений на тему о роли этого языка в развитии славянской культуры, о его литературных нормах и об оправдании этих норм, о его соотношении с местными наречиями. Поэтому в предисловиях происходило постепенное формирование концепции литературного языка. Наряду со специальными трудами по грамматике и лексикографии церковнославянского языка [Грамматика..., 1591; Мелетий Смотрицкий, 1618–1619; Памва Берында, 1627; Грамматика, 1638] в них также нашло отражение языковое мировоззрение восточнославянских книжников.

¹¹ Оригинал находится в библиотеке г. Гота (ФРГ). См. факсимильное издание: [Grasshogg, 1969, taf. 1].

Пафос учения о славянском языке составляет уравнивание его в правах с древними и «священными» языками — греческим и еврейским, что должно было служить обоснованию идеи священности церковнославянского языка и пригодности его для богослужения у всех славянских народов. Возводя церковнославянский язык в ранг языков «священных», восточнославянские книжники подчеркивают его генетическую зависимость от греческого языка. Идею связи этих языков они пропагандируют и с помощью трактата Черноридца Храбра «Сказание, како состави святыи Кирилл-философ азбуку по языку словеньску и книги преведе от греческих на славяньский язык». Трактат помещался обычно в качестве послесловия к грамматикам и букварям. Насколько сильным оказывалось притяжение между греческим и славянским языками в языковедческой концепции восточнославянских книжников, настолько значительными становились и силы отталкивания между церковнославянским и латинским.

Предисловие к *Евангелию Ходкевича* (1569) фиксирует новые явления в языковом мировоззрении восточнославянских книжников, появившиеся под влиянием формирующегося в Юго-Западной Руси более доступного читателю литературного языка — «простой мовы». Издатель признается в том, что имел намерение «сию книгу выразумѣния ради простых людей преложити на простую молву», однако «люди мудрые» и «ученые», занимавшиеся «прекладаниемъ (переводом. — Л.С.) з давныхъ пословиць на новые», посоветовали ему воздержаться от этого замысла, ибо при переводе «помылка (ошибка. — Л.С.) чинится немалая, якоже и нынѣ обрѣтается в книгахъ новаго переводу» [Евангелие учительное, 1569, л. /// об.].

В протестантскую традицию издания священных и церковных текстов на книжном народном языке, унаследованную от С. Будного, Василий Тяпинский внес новшество: в типографии, основанной им в своем имении на Витебщине, он предпринял издание *Евангелия* (после 1580) с параллельными текстами в две колонки на церковнославянском языке и на «русском», т.е. «простой мове»: «двема езыки зараз и словенским и при нем тут же рускимъ» [Евангелие, 1580, л. 2]¹². Это программное положение сформулировано В. Тяпинским в предисловии, сохранившемся только в рукописном виде в одном из двух известных экземпляров издания: «Предмова. Василеи Тяпинский зацной монархии словенской». Это яркий эмо-

¹² Рукописное предисловие В. Тяпинского. Экз. РНБ. I.1.29 из собрания М.П. Погодина.

циональный манифест в защиту литературного языка Юго-Западной Руси — «простой мовы», «языка своего славнаго». Тяпинский страстно убеждает, что язык «народа руского» обладает не меньшими достоинствами, чем языки «влохов, немцов, поляков, французов, гангликов, гишпанов» — народов, которые перевели «слово Божие з латинских и иных писмъ» на свой природный («прирожонный») язык [Там же, л. 3 об.].

Как правило, предисловия составлялись после того, как была напечатана вся книга или когда ее печатание подходило к концу [Титов, 1916, т. I, с. 87]. Подводя итоги работы авторов, переводчиков, печатников, справщиков, предисловие учитывает разнообразные внелитературные факторы, относящиеся к истории создания книги. Статья в *Служебнике* (1629) сообщает: киевский митрополит «и весь собор духовный» удостоверяют читателей в правильности текста книги, в том, что он «от всѣх пороков чист и свобод» [Служебник, 1629, л. 4 нн.], и что они это свидетельство подписывают.

Издатели постоянно сетуют на ошибки, разноречия, бессмыслицу, вкравшиеся в тексты священных книг. Ошибки, накопившиеся за многие века рукописной передачи произведений, приносят вред идеологии: от них происходят еретические толкования, а отсюда — «смущение» и разброд в церкви. Это мнение было выражено уже издателями *Острожской Библии*, обнаружившими после сличения нескольких вариантов библейских текстов «различных писмен и языков» не только большую разницу, «но и разращения, чесо ради велие смущение пряхом» [Библия, 1581, л. 3 нн.]. Свою исследовательско-редакторскую и корректорскую работу издатели стремились сделать известной читателям и помещали сведения о ней в дополнительных статьях к изданиям даже книг канонического содержания. Декларативные заявления о правильности текста печатного произведения и авторитетности его источника — неперменная черта дополнительных статей к переводным церковно-богослужебным и церковно-учительным сочинениям.

Общим местом почти всех предисловий и послесловий являются церемониальные просьбы авторов, обращенные к читателям, быть снисходительными к недостаткам издания, простить возможные погрешности: «...аще будет что погрѣшено, исправляйте и нас о сем трудившихсе благословите, а не кльнете, понеже не писа Дух Святыи, ни аггель, нь рука бренна и духъ грѣшнии и унилии» [Служебник, 1554, л. 240]¹³. Эта формула, употреблявшаяся уже в первых кирилли-

¹³ Текст послесловия данного Служебника повторяет послесловие вене-

ческих изданиях, была излюблена книжниками на всем пространстве кириллического книгопечатания, она встречается в венецианских изданиях, затем у иеромонаха Мардария (Белград), Ивана Федорова (Заблудов, Львов), Андроника Тимофеева Невежи (Москва), В.М. Гарабурды (Вильна), Василия Суражского (Острог).

Издатели и авторы предисловий и послесловий не только призывают к сочувствию читателей, но даже предоставляют право им самим исправлять замеченные ошибки, такими просьбами пестрят предисловия и послесловия почти ко всем старопечатным изданиям — отзвук давнего представления о том, что ошибка в священном тексте лишает его сакральности. В.М. Гарабурда же, оправдываясь заранее за возможные погрешности, настаивает на том, что достоинство священного текста непоколебимо: «Медь убо, аще и не въ серебряныхъ или въ златыхъ съсудехъ, но и на корѣ не прменяеть своего естества сладости, сице и Божественая Писания не прелагаются инако грубости ради и нелѣпотнаго художества, но всегда въ своемъ съставленномъ чину пребываетъ непреложне и неразвратне» [Октоих, 1582, л. 65 2-го сч.].

Вступительные и заключительные тексты принимают в зависимости от содержания книги разный вид. Грамматики и буквари сопровождаются филологическими статьями и стихами; предисловия и послесловия к изданиям полемических сочинений также полемически заострены; форму богословского трактата имеют предисловия к церковно-богослужбным книгам и сочинениям с изложением основ вероучения. Дополнительные статьи к изданиям соединяли в себе разные формы и стили: документальность, признаки автобиографизма, публицистику, повесть, экзегезу, теорию и поэтику литературы, критику текста. Предисловия и послесловия к старопечатным изданиям создавались на пересечении средневековых традиций и новых зарождающихся веяний в культуре. От старой литературной манеры они восприняли учительную направленность, традиционную библейскую символику и метафорический стиль, устойчивые формулы выражения тематического единства автор — читатель — книга. К новациям относится осознание книжниками XVI–XVII вв. своей высокой миссии, использование народных языков, внимание к современным филологическим проблемам языка и стиля.

Дополнительные статьи в кириллических изданиях XVI–XVII вв. представляют собой пространство, в рамках которого осуществляется комментирование разного рода проблем — источниковедческих, текстологических, лингвистических и шире — историко-культурных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азбука, 1578 — Азбука. Острог: Тип. К.К. Острожского, печ. Иван Федоров, 1578. [8] л.
Андрей Кесарийский, 1625 — *Андрей Кесарийский*. Толкование на Апокалипсис. Киев, 1625. [16], 166 с.
- Анфологион, 1619 — Анфологион. Киев, 1619. [16], 1048 с.
- Апостол, 1574 — Апостол. Львов: Печ. Иван Федоров, 1574. [15], 264 л.
- Библия, 1581 — Библия. Острог: Тип. К.К. Острожского, печ. Иван Федоров, 1581. [8], 276, 180, 30, 56, 78 л.
- Букварь, 1578 — Букварь. Острог: Тип. К.К. Острожского, печ. Иван Федоров, 1578. [48] л.
- Булаина, 1985 — *Булаина Т.В.* Риторика в Древней Руси. Сведения о теории красноречия в русской письменности XI–XVI веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1985. 20 с.
- Василий Великий, 1594 — *Василий Великий*. Книга о постничестве. Острог: Тип. Острожская, 1594. [7], 160, 292, 143, [1] л.
- Василий Суражский, 1588 — *Василий Суражский*. О единой истинной православной вере. Острог: Тип. Острожская, не ранее 1588. [6], 240, 66, [4], 24, [3] л.
- Грамматика елиннославянского языка, 1591 — Грамматика еллиннославянского языка. Львов: Тип. Братства Успения, 1591. [182] л.
- Дорофей, 1628 — *Дорофей*. Поучения. Киев, 1628. [4] л., 9–450, [2] с.
- Евангелие учительное, 1569 — Евангелие учительное. Заблудов: Тип. Г.А. Ходкевича; печ. Иван Федоров, Петр Тимофеевич Мстиславец, 1569. 408 л.
- Евангелие учительное, 1606 — Евангелие учительное. Крилос, 1606. [4], 420 л.
- Евангелие, 1579 — Евангелие. Белград [Альба Юлия]: Печ. Дьяк Лоринц, 1579. [100], [111], +..? [т.е. более 211] л.
- Евангелие, 1552 — Евангелие. Белград: Печ. иеромонах Мардарий, ижд. Радиша Дмитровича и Трояна Гундулича, 1552. [212] л.
- Евангелие, 1562 — Евангелие. Мркшина Церковь: Печ. иеромонах Мардарий, 1562. [212] л.
- Евангелие, 1580 — Евангелие. Тяпино: Изд. Василий Тяпинский, 1580. [1], 2–62, +..? л.
- Иоанн Златоуст, 1623 — *Иоанн Златоуст*. Беседы на 14 посланий ап. Павла. Киев, 1623. [17] л., 1642 с.
- Иоанн Златоуст, 1624 — *Иоанн Златоуст*. Беседы на деяния апостолов. Киев, 1624. [24], 534 с.
- Катехизис, 1562 — Катехизис. Несвиж: тип. Матвея Кавечинского, Симона Будного и Лаврентия Крышковского, 1562. 6, 3, [1], 209, [1], 210, 212–251, [262] л.
- Кирилл Транквилион, 1618 — *Кирилл Транквилион*. Зерцало богословия. Почаев, 1618. [29]; 1–84; [2] л.
- Коляда, 1959 — *Коляда Г.И.* Из истории книгопечатных связей России, Украины и Румынии в XVI–XVII вв. // У истоков русского книгопечатания. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 81–100.

Л.И. САЗОНОВА. ФОРМЫ КОММЕНТИРОВАНИЯ
В ИЗДАНИЯХ КИРИЛЛИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ XVI–XVII вв.

Лаврентий Зизаний, 1596 — *Зизаний Лаврентий (Тустановский)*. Грамматика словенска. В Вильни: В друкарни Братской, 1596. [4], 92 л.

Меланхтон, 1562 — *Меланхтон Филипп*. Артикулы христианской веры. Тюбинген: Изд. Примус Трубер, 1562. [12], 110, [124] л.

Мелетий Смотрицкий, 1618–1619 — *Мелетий Смотрицкий*. Грамматика. Вильна, 1618–1619. 388 л.

Минья общая, 1600 — Минья общая. М.: Печ. Андроник Тимофеев Невежа, 1600. 555 с.

Минья праздничная, 1638 — Минья праздничная. Львов: Тип. Братства, 1638. 637 л.
Новый Завет, 1563 — Новый Завет. Тюбинген: Тип. Магдалены Морхарт, изд. Примус Трубер, ижд. Ганса Унгнада, 1563. 238 л.

Номоканон, 1624 — Номоканон. Киев, 1624. 175 с.

Номоканон, 1646 — Номоканон. Львов: Тип. М. Слезки, 1646. 98 л.

Октоих, 1560 — Октоих. Венеция: Тип. Божидара Вуковича, после 1560. 162 л.

Октоих, 1582 — Октоих. Вильна: Печ. Василий Михайлович Гарабурда, 1582. 174 л.

Октоих, 1639 — Октоих. Львов, 1639. 353 с.

Памва Берында, 1627 — *Памва Берында*. Лексикон славеноросский. Киев, 1627. 477 с.

Панченко, 1973 — *Панченко А.М.* Русская стихотворная культура XVII века. Л.: Наука, 1973. 278 с.

Перетц, 1900 — *Перетц В.Н.* Историко-литературные исследования и материалы: в 3 т. СПб.: Типолитогр. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1900. Т. 1. Ч. 4. 425 с.

Псалтирь..., 1561 — Псалтирь с воследованием. Венеция: Иждивением Вицентия Вуковича, 1561. 277 л.

Псалтирь..., 1557 — Псалтирь с воследованием. Милешево: Печ. игумен Даниил, 1557. 292 л.

Псалтирь..., 1570 — Псалтирь с Часословцем. Забудов: Тип. Г.А. Ходкевича, печ. Иван Федоров, 1570. 378 л.

Псалтирь, 1577 — Псалтирь. Александровская Слобода: Печ. Андроник Тимофеев Невежа, 1577. 281 л.

Псалтирь, 1640 — Псалтирь. Киев, 1640. 590 с.

Псевдо-Дамаскин, 1586 — *Псевдо-Дамаскин*. Грамматика славянского языка. Вильна: Тип. Мамоничей, 1586. 14 л.

Служебник, 1554 — Служебник. Венеция: Изд. Божидара Вуковича, 1554. 240 л.

Служебник, 1629 — Служебник. Киев: Тип. Киево-Печерской Лавры, 1629. 444 с.

Служебник, 1604 — Служебник. Стрятин, 1604. 581 с.

Титов, 1916 — *Титов Ф.И.* Типография Киево-Печерской лавры. Исторический очерк (1606–1616–1916): в 2 т. Киев: Тип. Киево-Печерской Успенской лавры, 1916. Т. 1. 504 с., 30 илл.

Триодь постная, 1561 — Триодь постная. Венеция: печ. Стефан Скадара (Скутари), ижд. Вицентия Вуковича, 1561. 256 л.

Триодь постная, 1627 — Триодь постная. Киев, 1627. 802 с.

КОММЕНТАРИЙ
КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Триодь постная, 1578 — Триодь постная. Себеш: Печ. Дьякон Кореси с 5-ю учениками, 1578. 292 л.

Триодь цветная, 1566 — Триодь цветная. Мркшина Церковь: Тип. при храме св. Вознесения: Печ. поп Живко, дьякон Радул: Старанием иеромонаха Мардария, 1566. 218 л.

Триодь цветная, 1558 — Триодь цветная. Тырговиште: печ. дьякон Кореси с десятью учениками, 1558. 364 л.

Українська поезія, 1978 — Українська поезія: Кінець XVI — початок XVII ст. / упоряд. В.П. Колосова, В.И. Крекотень. Київ: Наукова думка, 1978. 431 с.

Христофор Филалет, 1597 — *Христофор Филалет*. Апокрисис. Острог, не ранее 1 окт. 1597. 222 с.

Ягич, 1896 — *Ягич И.В.* Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. СПб.: Тип. имп. Академии наук, 1896. Т. 1. 289–1067 с.

Die älteste..., 1976 — Die älteste ostslawische Kustdichtung 1575–1647 / Hrsg. von H. Rothe. Gießen: Wilhelm Schmitz, 1976. 533 S.

Die Makarij-Rhetorik, 1980 — Die Makarij-Rhetorik / Hrsg. von R. Lachmann. Slavistische Forschungen. Bd. 27/1. Rhetorica Slavica. Bd. 1. Köln; Wien: Böhlau, 1980. 166 S.

Gliubich, 1974 — *Gliubich S.* Dizionario biografico degli uomini illustri della Dalmazia. [Bologna]: A. Forni, 1974. 338 P.

Grasshoff, Simmons, 1969 — *Grasshoff H., Simmons J.S.G.* Ivan Fedorovs griechisch-russisch-kirchenslawisches Lesebuch von 1578 und der Gothaer Bukvar von 1578/1580. Berlin: Akademie Verlag, 1969. 29 S., 33 Faksimile-Tafeln.